

Там, где есть ложь, — нет места доверию

**Коварство,
или Тайна дома с мезонином**

Роман

**В Е Р А
К О Л О Ч К О В А**

Вера Колочкова

**Коварство, или Тайна
дома с мезонином**

«ЭКСМО»

2008

Колочкова В. А.

Коварство, или Тайна дома с мезонином / В. А. Колочкова —
«Эксмо», 2008

Тина живет тихой и спокойной жизнью в селе Белоречье. Кажется, что дни ее полны счастья и гармонии – есть уютный дом, любимый мужчина, любящие дочка и внучка. Но однажды на пороге дома появляются незваные гости – дети бывшего мужа приехали сообщить о его смерти. Этот визит пробуждает в Тине болезненные воспоминания о былой любви и страшной обиде... Ранее книга выходила под названием «Дом с мезонином в наследство»

© Колочкова В. А., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Вера Колочкова

Коварство, или Тайна дома с мезонином

*Россия может разделить судьбу Древнего Рима: культура
останется, а народ исчезнет.*

Владимир Набоков

Глава 1

День выдался тем самым – особенным, легко летящим и осязаемо счастливым. Не ярким и не жарким. Перетек ласково теплым песком из горсти в горсть, от утра к полудню. Тина очень любила такие дни. Они образовывались как-то сами собой, с первого момента пробуждения, будто ощущение счастья давно стояло около ее кровати, улыбалось тихо и только того и ждало, когда ж она изволит проснуться наконец, чтоб тут же устроиться у нее внутри поудобнее. Нет, ничего такого особенного, конечно, в такие дни не происходило, да и не должно было произойти. Все, в общем, как обычно – вон Анюта проснулась и, накормив грудью маленькую Сонечку, устраивает ее в коляске под старой грушей, вон соседка тетя Таня, повязавшись по-деревенски белым платочком, склонилась над грядкой и подслеповато щурится в буйно разросшееся ее огуречно-кудрявое плетение. И с речки слышны ломкие мальчишеские голоса, и плеск воды, и музыка с соседней дачной усадьбы... Все, все как обычно. И только поселившись в ней с самого утра счастье живет отдельной, своей жизнью, пропуская через себя простые картинки летнего бытия и заставляя то замирать на вдохе, то блаженно улыбаться или, того глупее, долго смотреть, задрав голову, на плывущие по небу облака и слушать, слушать, слушать... В такие дни надо именно слушать, она это давно уже поняла. В такие дни солнце поет совсем тоненькой ноткой, когда льется с неба вот так, не изнурая, тихой и нежной июльской благодатью, отдаваясь прозрачному еще от ночной прохлады воздуху, который тут же и отзывается ей навстречу низким, чуть глуховатым благодарственным бархатом-звоном, принимая в себя солнечную нежность. И с пролетающих мимо облаков льется вниз своя мелодия – торжественная, высокая и самую чуточку горделивая – и ложится тонкой белой драгоценностью, как жемчуг в коробочку, в этот бархатный звон, вплетаясь очень удачно в музыку летнего счастья. Она слышит его, точно слышит! Вот и душа ее, торопливо почистив слежавшиеся мятые перышки, устремилась красивой белой птицей музыке этой навстречу и вместе с залетевшим во двор гуленой-ветром затевает свои игры на траве, на цветах, на дальнем пригорке, на видимом с усадьбы белом берегу реки...

В такие дни Тина старалась жить, ни на что особо не отвлекаясь. Сама с собой и с живущим у нее внутри счастьем, сплошь состоящим из звуков, ощущений и особенного какого-то, до дрожи радостного волнения. Сил от него набиралась для жизни. Плавала, купалась в нем, улетала рука об руку со счастливой душой к небу. А то вдруг с солнечным лучом дружила-обнималась или шорох травы под босыми ногами внимательно слушала...

Нет, в обыденной жизни она была просто женщиной. Самой обыкновенной, с несложившейся, по принятым людским меркам, бабской судьбой. И с грузом нелегко прожитых лет за плечами. И с подкравшимся незаметно пенсионным возрастом. А вот поди ж ты – как повезло ей с этими счастливыми днями-то. Не забывает про нее ребячье звенящее счастье, никак не дает душе повзрослеть, да и телу не дает расплыться-раскиселиться, как ему и положено к законным своим пятидесяти пяти годам. Кажется, вот и сейчас бы запрыгала-завертелась, раскинув широко руки да прогнувшись в спине, как малолетка какая. Или как та героиня Островского, которая все взмыть над обрывом птицей пыталась. Хотя ну ее. Не надо про нее, и без

того надоела за тридцать долгих учительских лет – за такое время и самый яркий луч света в темном царстве погаснуть может. Вот героиня любимого Антона Палыча – те нет, те не надоели. С ними она, можно сказать, с детства дружит. Или, как недавно выразилась Аня, страдает комплексом «врожденной чеховоманки». Тоже нашлась юмористка доморощенная. Еще дочь называется...

Улыбнувшись, Тина прошла по мягкому ромашковому ковру в конец двора, заросшего по периметру шершавыми стволами подсолнухов вперемежку с кустами золотых шаров – много желтого, хороший цвет, – тихо опустилась на бревно, почерневшие и порядочно потрескавшиеся от долгого лежания под снегом да дождем. Кто и зачем сюда привез эти бревна, она уже и не помнила. Но сиживать на них любила – особенно в такие вот дни. Ей казалось, что именно в этом уголке как раз все и сходилось в одну звенящую точку: и музыка солнца, неба и воздуха, и летающая рядом счастливой птицей душа, и вся прелесть летнего ее в этом дворе бытия вместе с приехавшими из города на выходные дни дочерью с внучкой... Закрыв глаза и откинувшись спиной на теплые бревна, она попыталась даже впихнуть каким-то образом в этот счастливый ряд и вопрос обыденный, то есть осмелилась подумать о том, что же бы ей такого хорошего на обед приготовить. Ответ на вопрос пришел сам собой, тоже будто из этого счастливого ряда выплыл: готовь, мол, дорогая наша Тина, окрошку да оладьи со сметаной, и чтоб запах от них на всю усадьбу стоял. Не хватает, мол, в нашем счастливом ряду обыкновенного сытного земного запаха...

«Сейчас полежу еще пять минут и пойду, – решила Тина, чуть приподняв голову и взглянув на Сонечкину коляску – не проснулась ли ее драгоценная внученька. – Надо Аняту хоть в выходные поесть заставить, иначе погибнет на своей диете. И с чего это взяла девчонка, что она толстая? Не толстая вовсе, а справная, как раньше в деревнях говорили. Кровь с молоком. Да и нельзя ей худеть, пока Сонечку кормит... Сейчас-сейчас... Еще пять минут... Уже встаю...»

– Тина! Тиночка! Ты где? Слышишь ли меня? Гости к тебе, Тиночка! – ворвался в счастливое ее состояние голос соседки тети Тани, и с ним одновременно гукнула нетерпеливым коротким звуком подъехавшая к воротам машина. Звук гудка был слуху неизвестным – Лёнина машина так никогда не гудит. А Митенька бы и вовсе на клаксон нажимать не стал, а пошел бы сам себе открывать ворота... Значит, чужие. Что ж, жаль. Придется отвлечься, выплыть на время из своего счастливо-бездумного состояния. Ничего, она потом еще вернется...

Анята уже спешила к воротам, натягивая поверх купальника старую клетчатую Митину ковбойку. Отодвинула засов на калитке, распахнула ее навстречу двоим, в нее зашедшим. Мужчина и женщина. Молодые совсем. Господи, кто же это... Лица такие знакомые... Похожие... Похожие... Нет, этого не может быть...

– Здравствуйте! – вежливо-холодно растянула в улыбке губы молодая женщина, одетая в серые джинсы-трубочки и гладко-белую футболку. Пряталась, впрочем, за этой простой серостью да гладко-белостью фирменная дороговизна. Вернее, не пряталась. Наоборот, наезжала некой спесивостью – такой же, как и нарочито-вежливая улыбка с ее лица.

– Здравствуйте... А вам кого? – весело-вызывающе поинтересовалась Анята, выставя снисходительную веселость впереди себя оружием против холодной вежливости гостьи.

– Скажите, Валентина Петровна Званцева здесь проживает?

– Да, здесь. Это мама моя...

– Да? Что ж... Тогда давайте знакомиться. Моя девичья фамилия тоже Званцева. И зовут меня Ольга. Ваша двоюродная сестра, стало быть. А это ваш брат, тоже двоюродный, – Никита Званцев. А вы... Вы Анна Званцева, насколько я понимаю?

– Да... Да, я Анна... Только я не Званцева...

Анята растерянно обернулась к медленно идущей к ним по дорожке матери и вздрогнула от естественно накатившего желания встать сейчас у нее на пути, закрыть спиной от этих

гостей, от вежливо-холодного взгляда этой молодой женщины по имени Ольга, назвавшейся ее сестрой. Господи, что это их принесло сюда, каким таким незванным ветром?..

Да, она знала, конечно же, что у нее есть двоюродные сестра и брат. Она даже, было дело, очень давно, правда, мечтала с ними и увидеться, и познакомиться поближе. Но, упаси бог, никогда не стала бы этого делать. Потому что кто знает, как бы к этому отнеслась мама – тема эта у них всегда была сверхзапретной. Нет, не больной, конечно, но зачем, скажите, ворошить лишний раз обстоятельства прошлого, круто изменившие мамину судьбу и на долгие годы застрявшие в сердце тяжелым камнем? Камнем, замешенным на любви, на обиде, на предательстве, на жалких усилиях простить-забыть, на бессонных ночах, на осознанном выборе своего женского одиночества. Чуть тронь этот камень – и тут же он даст о себе знать материнской грустной задумчивостью да мукой в глазах, спокойно переносящую которую Аня так и не научилась с самого своего детства. Она вообще всегда ощущала себя маминной защитницей. Дочерью-матерью. Дочерью – широкой спиной. Даже дочерью-грубиянкой, если понадобится. А как могло быть по-другому? Вот идет по дорожке такая маленькая и гибкая-хрупкая, и большие, не растерявшие к возрасту своей изумрудной зелени глаза распахнуты широко и радостно-открыто, и губы уже сложились в удивленную и широкую, заранее ко всему благожелательную улыбку... Не женщина – марсианка какая-то. Аэлита. Потому и не стареет, наверное...

– Мам, это к тебе, – делая шаг в сторону, словно и впрямь собираясь загородить мать спиной, настороженно произнесла Аня. – Познакомься, это Ольга и Никита Званцевы...

– Вы... Вы Машины дети? Да? Не может быть... А как вы здесь... Случилось что-нибудь? Что-то с Машей? – тихо и испуганно задавала свои вопросы Тина, переводя растерянно-загнанный взгляд с красиво-надменного Ольгиного лица на лицо Никиты, рассматривающего ее с досадным равнодушием спешащей юности, вынужденной так бездарно терять драгоценное время в беседах с какой-то теткой, которой он и в глаза никогда не видел. Что из того, что она ему по крови родная, тетка эта. Какая разница. Все равно чужая, получается. Если б не важное дело, черта с два поехал бы он в эту тьмутаракань – трястись в машине целые сутки...

– Нет, Валентина Петровна, – четко разделяя слова, словно с трудом сдерживая внутреннее раздражение перед чужой глупой растерянностью, заговорила Ольга. – С мамой нашей ничего не случилось. А вот отец два месяца назад умер. Такое вот дело. Наш отец, а ваш официальный муж, получается. Ведь вы, говоря языком юридическим, формально свой брак не расторгали... Ведь так?

– Да... Так... То есть нет, не расторгали... Так, значит, Антон умер... Два месяца...

– Ну да. Мама вам не сообщила – простите ее, конечно. Да и мы с Никитой тоже так решили – ни к чему это вам. Сами посудите – столько лет прошло, вы совсем чужими стали, и ваш брак с нашим отцом превратился в одну лишь пустую формальность. Я вообще не понимаю, почему вы его тогда еще не расторгли... А теперь вот у нас из-за этого сплошные проблемы! И нам бы хотелось все с вами спокойно и взвешенно обсудить. И постараться прийти к соглашению. К справедливому, я полагаю, соглашению...

– Так... Да, конечно... Проблемы... Антон умер...

Тина вдруг резко развернулась и быстро пошла по тропинке к дому, как слепая, выставив вперед руку и держа спину очень прямо. Так изо всех сил старается держать прямо спину человек, боящийся упасть. Ольга удивленно проводила ее глазами и, пожав плечами, повернулась к Ане, словно ждала от нее каких-то объяснений странного поведения матери. Аня помолчала какое-то время, набычившись, как девчонка-строптивница, потом нехотя произнесла:

– Что ж... Проходите в дом, раз приехали... Машину во двор загонять будете?

– Ну, я надеюсь, мы к вам ненадолго, – подстроившись под ее явно вынужденную вежливость, проговорила, тонко улыбнувшись, Ольга. И тут же поинтересовалась искренне: – Слушай, сестра, сколько тебе лет, а? Ты намного меня моложе?

– Мне двадцать пять. А что? А тебе сколько? – настороженно произнесла Аня.

– А мне двадцать семь... Стало быть, Валентина Петровна не так уж долго после расставания с отцом горевала? Зря, выходит, наша мать всю жизнь чувством вины перед ней упивалась... Ни развода, ни официального для себя брака вовремя не потребовала...

– Слушай, ты... – обернувшись к ней, резко и зло сверкнув глазами, тихо прошипела Аня, – ты не смей так о ней, поняла? Что ты об этом знаешь вообще?

– Да ничего я не знаю. Ты, пожалуйста, не обижайся, Ань. Нам и в самом деле ничего об этой истории не рассказывали. Ни отец, ни мать. Молчали всю жизнь, как партизаны. Что там у них произошло-то?

– Да я и сама толком ничего не знаю, – отчего-то смягчившись, доверчиво проговорила Аня. – И мама мне тоже никаких подробностей не рассказывала. Я только одно знаю – она всегда вашего отца любила. Все эти годы. И потому за моего отца замуж не вышла. А ты ей прямо с ходу в лоб выдала – два месяца как умер...

– Ну, я ж не знала, что тут такая трагедия! – широко развела руками Ольга. – Кому рассказать – не поверят. Сама подумай – сколько лет прошло! Столько вообще не живут, а не то что любят кого-то. Прямо как в старинных романах...

– Ладно, вы тут устраивайтесь пока, отдохните с дороги, я сейчас... У меня там ребенок проснулся...

Бросив гостей прямо у крыльца дома, она метнулась к качающейся мягко на нежных рессорах коляске, укрытой от постороннего глаза ветками старой груши, навстречу мелькающим из нее толстеньким ножкам и ручкам, навстречу милому материнскому сердцу кряхтению хорошо выспавшегося здорового младенца. Выуженная из коляски Сонечка запрыгала в руках матери, заукала что-то абсолютно радостное на своем младенческом языке, засверкала нежно-розовыми щечками да круглыми локотками-коленками. Она тоже по-своему чувствовала этот день. Видимо, он и для нее был особенно счастливым. Слава богу, бесконечно далеко ей пока до тех времен, когда этот самый день способен оборваться лопнувшей струной так же неожиданно, как сегодняшний бабушкин...

– Смотри, Никитка, какая у нас с тобой племянница! Чудо просто! – протянула к ребенку руки Ольга. – Ань, можно я подержу? Да не бойся, не уроню...

Сонечка, притихнув в незнакомых руках, долго разглядывала чужую улыбающуюся тетю, потом повернула розовое личико к матери и моргнула удивленно, словно спрашивала ее таким образом: а кто она такая есть, эта тетя, и почему она, Сонечка, вдруг стала не доченькой и не внученькой, а какой-то там племянницей?.. И тут же протянула руки обратно. Потому что тетя тетей, конечно, а на руках матери, уж простите, как-то покомфортнее будет...

– А у тебя дети есть? – забирая из Ольгиных рук ребенка, спросила Аня.

– У меня? – почему-то удивилась ее вопросу Ольга. – У меня нет, что ты... Да и когда мне! Я еще на ноги не встала как следует, и вообще... Мы с мужем пока и разговоров таких не заводили...

– Да мы тоже не заводили, знаешь! – улыбнулась вдруг весело Аня. – Чего их заводить, разговоры эти? От них дети не рождаются! Взяли и произвели на свет это чудо! И нисколько об этом не жалеем! Да, дочь?

– Гы! – радостно подтвердила Сонечка и расплылась в счастливой младенческой улыбке, продемонстрировав всем два проклюнувшихся нежных зуба-резца, и взмахнула плотными ручками, чуть не вылетев из материнских рук.

– Так, чего ж это мы на крыльце стоим? Вы в дом проходите. Сейчас я вас чаем напою, потом обедать будем...

– Нет-нет, Аня, не суетись! Ничего такого не надо. Нам бы с Валентиной Петровной вопрос решить побыстрее... Понимаешь, времени очень мало. Вот и Никита торопится...

Они вместе обернулись к сидящему на скамеечке у крыльца парню, с интересом разглядывающему дворовый интерьер с его деревьями и цветами, с заросшей толстым ромашковым ковром большой поляной и прокоптившимся мангалом в самой ее сердцевине, с колодцем и обложенным прогоревшими булыжниками кострищем около сваленных у забора старых бревен, с открывающимся отсюда и сразу цепляющим глаз чудесным видом на изгиб реки с ее белым песчаным берегом.

– А хорошо тут у вас, знаете... – проговорил Никита тихо. – Спокойно так, будто счастьем пахнет... Как, говорите, это место называется? Я забыл... Красивое такое название...

– Белоречье, – хором подсказали ему Ольга с Анютой.

– А... Ну да... И в самом деле Белоречье... Смотри, Ольга, какой берег белый. И река от него тоже белым светится...

– Ладно, Никита. Некогда нам видами любоваться. Река, берег... Ты не забыл, что нам надо сегодня же обратно выехать? Время, время, Никита! Пошли давай! Ань, проводи нас к матери, пожалуйста. Где она?

– Ну что ж, пойдёмте... Мам! Ты где? – заходя в дом, крикнула Анюта осторожно. – Иди к нам...

– Здесь я, дочь.

Тина выглянула из большой комнаты, улыбнулась навстречу входящим вслед за дочерью гостям. Сердце Анютино тут же и сжалось в комочек от вымороженной этой материнской улыбки, от вмиг потерявших привычную зеленую прозрачность глаз, будто приглушила, прошлась по ним в одночасье злая патина времени. С трудом подавив в себе вздох досадно-жалостливого дочернего понимания, она лишь гостеприимно протянула руку приглашающим жестом – проходите, мол, в комнату, чего на пороге стоять...

– Валентина Петровна, вы простите нас, конечно, что мы вот так ворвались со своей проблемой. Надо было предупредить, конечно. Но мы ведь и адреса вашего толком не знали! Искали село под названием Белоречье, а ни улицы, ни номера дома не знали... Спрашивали у всех, где здесь живет Званцева Валентина Петровна. Кстати, вы очень здесь популярная личность, знаете ли! У кого ни спрашивали, нам всякий дорогу показывал...

– А почему у мамы своей адреса не спросили? Или она забыла его уже?

– Нет, не забыла, наверное. Только мы ей не стали говорить, что к вам поехали. Не стали беспокоить.

– Почему?

– Ну, так уж получилось... Да она бы и не пустила нас. А ехать к вам все равно обстоятельства заставили. Только... Мы ведь не думали, что для вас это так... Что вы так болезненно все воспримете... – осторожно заговорила Ольга, присаживаясь напротив Тины за стол, подеревенски покрытый белой ажурной скатертью.

– Ничего. Все в порядке, ребята. Говорите, что у вас за обстоятельства такие срочные.

Тина произносила слова ровным, ничего будто не выражающим голосом, смотрела в глаза прямо, плечи держала ровно, и только сцепленные пальцами одна в другую ладони выдавали внутреннее ее напряжение, которое, казалось, все ушло в эти сжатые мертвой хваткой пальцы.

– Понимаете ли, в чем дело, Валентина Петровна... Отец ведь наш завещания не успел оформить... Он, знаете ли, скорострительно скончался, от инфаркта. А вы на сегодняшний день так и являетесь его законной женой, то есть юридически входите в круг наследников первой очереди... Вы понимаете, о чем я говорю?

– Да. Понимаю. Конечно же.

– Но согласитесь, Валентина Петровна, это же несколько несправедливо получается. Вот и Никита тоже так считает. Выходит, вам теперь может отойти значительная доля наследства... Ведь так? Правильно я рассуждаю?

– Правильно.

– Но вы согласны со мной, что фактически к наследству нашего отца вы не имеете никакого уже отношения? Вы же не виделись с ним с тех пор, как... Как...

– Да. Не виделась.

– И ничего о нашей жизни не знали...

– Да, не знала.

– И мы о вас тоже ничего не знали! Ну, то есть знали, конечно, что у мамы где-то есть сестра и брат и что была какая-то между вами история... Но ведь всю жизнь с отцом прожила именно наша мать, а не вы! И детей у вас от отца нет, как я понимаю. А теперь получается так несправедливо...

– Да. Несправедливо.

– Так вы согласны, значит?

– Согласна.

– Погодите, Валентина Петровна. Какой-то странноватый разговор у нас получается...

– Действительно, странноватый. Чего вы хотите, ребята? Скажите прямо.

– Но это же так понятно и естественно... Вам надо официально отказаться от своей наследуемой по закону доли, и все! Тут, я считаю, даже и говорить особо не о чем!

– Да. Не о чем. Конечно же. Я должна что-то подписать? Давайте подпишу.

– Но... Если бы все было так просто... Понимаете, отказ от наследства оформляется только нотариально! При чем наш нотариус заявил, что отказ этот примет только от вас лично! Его тоже можно понять – юридические формальности, знаете ли... Не будешь же ему объяснять, что фактически вашего с отцом брака давно уже не существует! Нет, можно было бы, конечно, и через суд это доказать, но все это займет столько времени... Вот мы и решили к вам приехать да решить этот щекотливый вопрос полюбовно.

– Хорошо, ребята. Будем считать, что решили. Что дальше?

– А раз решили, то вам надо ехать вместе с нами, дорогая Валентина Петровна. К нотариусу, в наш город. По месту открытия наследства.

– Что, прямо сейчас?

– Ну да... Хотелось бы... А обратно мы вас самолетом отправим! За наш счет, разумеется! Да, Никита? Ну что ты молчишь, господи? Вот же наказание! Зачем я только тебя с собой сюда тащила! – сердито пробормотала Ольга, обернувшись к брату.

– Но я сейчас не могу... Нет-нет... Вы простите, но нельзя ли мне приехать попозже? Как тут Анюта без меня останется, и Сонечка маленькая... Да и в себя мне надо прийти... Нет, с вами я никак не смогу поехать...

– Хорошо-хорошо, Валентина Петровна! Как скажете! Да мы и не надеялись, в общем, что вы сразу поедете. Главное, что вы в принципе не возражаете! Когда вы сможете приехать?

– Не знаю. На днях, может... Только у меня к вам просьба...

– Да? Какая просьба?

– Вы не оставите мне несколько фотографий Антона? На память? У меня ведь ни одной нет...

– О, да это пожалуйста! Сколько угодно! Вот вы приедете, и я вам приготовлю! Я вам подберу несколько хороших фотографий! У нас даже и портрет его есть, маслом писанный. Можно копию заказать...

– Спасибо. Мне достаточно фотографий. Тех, где мы в молодости.

– Хорошо, Валентина Петровна. Значит, мы договорились? Через неделю мы вас будем ждать. Вам денег на билет оставить?

– Нет. Не надо. Что вы!

– Тогда вот вам моя визитка со всеми телефонами. Как соберетесь – звоните. Да я и сама вам позвоню еще не раз! И помните: вы обещали... А я вас обязательно встречу в аэропорту.

Или Никита встретит. Это и времени немного займет, в общем. Из аэропорта поедem к нотариусу, потом сразу обратно. Всего один день...

– Хорошо. Спасибо.

– Ну что вы. Это вам спасибо, дорогая Валентина Петровна. Спасибо, что вы нас правильно поняли. И вообще – приятно было познакомиться. И с вами, и с вашей милой дочерью, и с внучкой...

– А у вас ведь еще и брат есть, ребята. Митей его зовут. Он сын Алексея, матери вашего брата. Он вечером сюда придет.

– Ну что ж, жаль, конечно, что не увидимся. Нам ехать пора. И вообще, жаль, что все так нелепо вышло в нашей жизни...

– Да. Действительно, жаль.

– Тогда до скорой встречи, Валентина Петровна! Пойдем мы, пожалуй...

Ольга неловко поднялась из-за стола и, сердито мотнув головой сидящему в кресле в углу комнаты Никите, быстро пошла к выходу. Тина же так и осталась сидеть, прямо держа спину и по-прежнему сцепив перед собой пальцы рук. Надо бы встать, проводить гостей, да она не могла – сил отчего-то не было...

– Что же это вы, гости дорогие, даже и чаю не попьете? – насмешливо выскочила из кухни в прихожую, держа Сонечку под мышкой, Аня. – За долю свою воевать, значит, приехали? Отвоевали, стало быть? Все по своим местам расставили? Занесли мать мою в список пустых формальностей? И нас с Митькой тоже, значит, в тот же ряд записали? Ну-ну... Молодцы какие...

– Аня! Не надо. Прекрати немедленно. Пусть идут с богом. Проводи, – тихоскомандовала из комнаты Тина.

– Ладно, мам. Провожу, конечно. Пойдемте, гости дорогие...

– Зря ты так, Ань, – обернулась уже от калитки к ней Ольга. – Мы-то тут при чем? Они же сами наворотили невесть чего в молодости, матери наши. Нас ведь никто ни о чем не спрашивал! Что уж вышло, то вышло. Ты прости нас...

– Ладно, поехали! – потянул Ольгу за рукав Никита. – Хватит тут сопли разводить! Ругаешься на меня, а сама... Нам еще заправиться где-то надо. Поехали!

– Ну что ж, прощай, Аня. Всего вам доброго – и тебе, и дочке твоей. И маме.

– И вам прощайте, дорогие братья-сестры. Счастливого пути. Мать, когда придет, не особо там обижайте. Да на могилу к вашему отцу свозите, пусть попрощается. Она сама-то об этом не попросит, вы уж проявите инициативу, как родственники. Хоть и не состоявшиеся, конечно. В благодарность, так сказать, за матери моей покладистость...

Ольга, ничего Аняте на это не ответив, лишь вскинула резко голову и взглянула в глаза остро и сердито, будто клюнула. Распахнув дверцу машины, плюхнулась на переднее сиденье рядом с Никитой и тут же принялась ему за что-то выговаривать, жестикулируя отчаянно перед лицом руками. Аня медленно закрыла калитку и, прижимая к себе Сонечку и прислушиваясь к шуршанию гравия под колесами отъезжающей машины, постояла еще какое-то время в задумчивости. Странное у нее было чувство – как будто обидели ее сильно. В чем заключалась эта самая обида, было не совсем понятно. Ну, приехали родственники, и что? Не захотели дружить-родниться? Да и бог с ними, не больно-то и хотелось. Может, маму они чем обидели? Да ничем вроде – это тоже понятно. Не требовали особо ничего, не оскорбляли, не унижали. Просто имущество свое от дележа спасали. Что такого-то? Дело простое, человеческое. Всякое бывает... Олег, Анятин муж, адвокат по профессии, и не такое ей рассказывал. Так иногда людей наизнанку выворачивает при дележе наследства, что сами себя не узнают... И все-таки обида была. В чем-то виноваты были эти двое, своим приездом принесшие в их теплый дом холодный пыльный ветер из маминого прошлого. Ветер, осевший мутью в ее ярких глазах и сцепивший пальцы ладоней в мертвой хватке. Ветер, неуловимо вытеснивший с их двора

«добринку-роднинку», как говорит Митька. Пусть хоть на время, на какой-то час всего, но вытеснивший же...

Вздыхнув, она медленно пошла к дому, ступая по мягкому травяному ковру и с удовольствием ощущая под босыми ногами приятную теплую шершавость. Нет же, нет. Все в порядке. Все на своем месте. Никому они эту «добринку-роднинку» не отдадут. Никакому чужому ветру. И старый уютный дом не отдадут, и ночной костер у потемневших бревен в углу двора, и старуху грушу, и мамин цветник, и вид на реку... Вот сейчас она матери обо всем этом и скажет...

Тина так и сидела за столом, по-прежнему выставив перед собой сцепленные ладони, смотрела потерянно куда-то в пространство. Сердце Анютино опять сжалось, но голос таки прозвучал вполне бодро-весело. Очень даже вполне, чтоб выгнать мать из этого плохого пространства, – нечего ей там делать...

– Мам, поддержи Сонечку! Такая тяжелая стала – у меня сейчас руки отпадут! Скорей бы уж ходить начала, ага?

– Давай... – моментально встряхнувшись, потянула навстречу внучке руки Тина. – Иди ко мне, моя ласточка, мое солнышко, моя золотая рыбочка!

– Ау-гу-гу-у-у... – заворковала вдруг на такой же ноте и Сонечка, устраиваясь с полным комфортом у бабки на коленях и припадая головкой к ее плечу.

– Ну вот, девочки, и хорошо... – встряхивая с наслаждением руки, со смехом произнесла Аня. – Вы просто замечательно друг друга понимаете. У вас и любовь даже особенная какая-то. Не человеческая будто, а марсианская...

– Да никакая она не особенная, доченька. Обыкновенная. Просто Сонечка знала всегда, как я ее жду... Ты помнишь, как я ее ждала?

– Ну еще бы! У меня и живота еще никакого не было, а ты уже подходила ко мне и с ней разговаривала. Все ей рассказывала: и как ты ее ждешь, и как любишь, и как радуешься... Странноватая ты у меня все-таки женщина, мам!

– Уж какая есть, доченька. Ты гостей проводила?

– Да. Все в порядке. А что, ты и в самом деле к ним поедешь, чтоб от своей этой наследственной доли отказываться?

– Да, поеду.

– Мам, а что там за доля-то? Что они делят? Квартиру, машину?

– Там дом, доченька. Большой такой дом. Бывший купеческий особняк. Его еще отец Антона от советской власти получал за свое правильное, идеологически выдержанное профессорство. Антон уже там родился. Интересный такой особнячок, белый весь, с колоннами да балкончиками. И с мезонином... Помнишь, у Чехова рассказ такой есть – «Дом с мезонином»?

– Целый особняк? Это в том городе, где ты раньше жила? Ничего себе... – всплеснула руками Аня.

– Вот именно что раньше, дочка. Теперь я ни к тому городу, ни к тому особняку никакого отношения не имею.

– Да какая разница, мам! Доля-то все равно твоя по закону! Ты хоть представляешь себе, в каких деньгах она может выражаться, эта доля? Тебе такие и не снились...

– И хорошо, что не снились, дочь. И не надо. И слава богу. И вообще, ты же знаешь, как я отношусь к этому вопросу!

– Да уж... Знаю, конечно... Но все-таки, мам... Может...

– Нет, не может, Аня! И давай закончим этот разговор. Он мне не нравится. Пойдем-ка лучше обед какой-нибудь состряпаем. Скоро Митя с Мариной придут...

Глава 2

– Вот объясни, зачем я тебя тащила с собой в такую даль? Чтоб ты молчал, как партизан, да? Почему я всегда и все должна делать сама? Ты думаешь, мне этим приятно заниматься? – бушевала Ольга, развернувшись к сидящему за рулем Никите. – И не гони так, экстремал хренов! Лучше бы в другом месте лихость свою демонстрировал! Сидит, главное, помалкивает чистоплюйски... Получается, что я крайняя, да? Стерва-сестра при благородном брате?

Никита молчал. Знал, что в минуты сестринского гнева помолчать лучше. Сейчас побушует минут пять и успокоится. Сдуется, как воздушный шарик. Еще и прощения просить будет...

– Хоть бы одним словом поддержал меня, поганец! Заладил одно: ах, как у вас красиво, ах, берег белый... Чего тебе этот берег-то дался? Жить, что ли, здесь собрался? Так давай, флаг тебе в руки! Мне меньше заботы! Если уж ты такой романтичный у нас, не выставляй меня пушечным мясом, не делай из меня прагматичную да злую сеструху! Не стал он в разговор встревать, видишь ли... Хороший и добрый мальчик... Противно ему...

Ольга замолчала, вытащила тонкими нервными пальцами сигарету из пачки, завертелась вьюном на кресле в поисках зажигалки.

– В бардачке. Как откроешь, справа, – тихим ровным голосом произнес Никита.

– Без тебя знаю! – уже без прежней злобной горячности пробурчала Ольга, прикуривая. Несколькими глубокими затяжками покончив с сигаретой, по-мужски выщелкнула окурок в окно и замолчала грустно, уперла взгляд в неожиданно выскочившее из-за леса заросшее камышом и осокой то ли мелкое озеро, то ли глубокое болото с желтыми кувшинками в самой его сердцевине. Вскоре и плотный травянисто-пропаренный запах стоячей воды теплой и навязчивой волной проник в открытое окно, заставив ее поморщиться недовольно. – Фу, дрянь какая... Не люблю деревенских запахов... Кофе хочешь, Никитка?

– Давай... – тем же ровным голосом произнес Никита, усмехнувшись про себя: вот и прошла гроза, отсверкали молнии...

Ольга перетащила с заднего сиденья себе на колени дорожную сумку, выудила из нее большой термос, налила кофе в глубокую пластиковую кружку. Осторожно протянув ее брату, спросила совсем уже другим голосом, спокойным и по-деловому озабоченным:

– Как думаешь, не подведет нас эта тетка? Странной она мне показалась какой-то. И согласилась, главное, с ходу...

– А вот это и плохо, что с ходу. Не врубилась в ситуацию, значит.

– Боишься, что передумает?

– Да запросто! Если она нормальная, конечно. Вот ты, будь на ее месте, отказалась бы от своей доли?

– Я? Ну это вряд ли... Нет, конечно же, нет... Чего это ради?

– Ну да. В наше время от денег может отказаться только ненормальный. Каждый за свой кусок смертным боем бьется. А что делать – жизнь такая.

– Ну, ты, допустим, не очень-то и бьешься. Ты смотришь, как другие за него бьются. Зато потом с удовольствием он него откусываешь. Что, не так разве?

– Ну ладно, Оль, поворчала, и хватит. Давай лучше к существу вопроса вернемся. А вдруг она и впрямь передумает?

– Ладно, не пугай меня... А может, она и есть ненормальная? Ты видел, как она на известие о смерти отца прореагировала? Больше четверти века его в глаза не видела и вдруг на ходу сломалась. Есть, есть в ней что-то странное все-таки... И совсем на нашу мать не похожа.

– А может, она и в самом деле его любила все эти годы?

– Че-го? – усмехнулась Ольга, сверкнув сбоку на Никиту холодным голубым взглядом. – Вы что, юноша, киношек сопливых насмотрелись? Бог с вами, кака така любовь?

– А вот така любовь! – в тон ей ответил Никита. – Сама не умеешь любить, так и других не учи, прагматично-циничная ты наша...

– А ты, значит, умеешь?

– А черт его знает. Может, и умею. Но четверть века не осилил бы, это уж точно. Слушай, а эта Анюта тебе как показалась? Не странной?

– Да нет... Обыкновенная девчонка. Симпатичная, и глаза у нее умненькие. Она мне даже понравилась чем-то. Да и то – сестра все-таки. Что-то есть в ней такое, будто притягивающее. Обаяние какое-то деревенское...

– А эта твоя симпатичная да умненькая не уговорит мать передумать? Обработает ее в два счета, и останемся мы ни с чем. Эх, надо было эту тетку все же с собой везти! По горячим следам, как говорится. Не надо было ей уступать...

– Ну так и не уступал бы! Чего молчал-то? Хорошо сейчас после драки кулаками размахивать! Советчик нашелся...

– Ну а если она и впрямь передумает? Чего тогда делать будем? Если с этой теткой делиться придется, то на мою одну треть никакого жилья приличного уж точно не купишь! Дом-то старый уже, да и цены у нас не московские... Тебе-то хорошо, ты у мужа живешь! А мне что прикажешь делать?

– Постой, Никитка... Это что значит, ты собрался на всю свою долю жилье покупать?

– Ну да...

– А мне тогда что делать?

– А что тебе? Ты тоже свою долю получишь.

– А маму куда? Про маму ты забыл, выходит? Дом продадим, доли благополучно поделим, а маме – фигушки? Ей, конечно, тоже какая-то доля полагается, как иждивенке, но она же смешная совсем! На нее уж точно ничего не купишь! И что тогда? Где она жить-то будет? К себе ее возьмешь?

– Да ладно, не делай из меня придурка неблагодарного, чего ты... Не будем скандалить, разберемся как-нибудь. И маме, и мне квартиры купим, и тебе достанется! Главное теперь, чтоб эта отцовская юридическая жена не передумала. Иначе точно ничего не получится.

– Да, ты прав, Никитка, не будем шкуру делить. Тем более и медведя пока мы не убили. Скандалить заранее не будем, тут ты тоже прав. И мамин вопрос еще не решен окончательно. Сам же понимаешь, просто покупкой для нее квартиры нам не обойтись...

– А что ты предлагаешь? Мне ее на руки навеки спихнуть?

– Да почему спихнуть-то? Она же мать твоя!

– И твоя, между прочим, тоже! Вот и забирай ее к себе!

– Да господи, и забрала бы! Но ты же знаешь прекрасно, у меня Игорь против...

– Урод твой Игорь. И вообще, не прикрывайся им. Забрала бы она... Знаю я, как бы ты забрала...

– Сам ты урод! А маму я действительно люблю! Я же не виновата, что так обстоятельства сложились! Мне что теперь, с мужем разводиться? От этого кому-то легче будет?

– Любишь маму, говоришь? А ты когда последний раз у нее была, помнишь?

– Ну... Ты же знаешь, как я занята! У меня день практически по минутам расписан. И я была у нее! Не помню когда, но была...

– А я вот помню. Ты три раза после похорон отцовских приезжала. И только по делу. Все бумаги какие-то ей на подпись привозила. Хоть бы показала, что за бумаги такие! Ни матери толком не показала, ни мне... Подсунула ей, пальцем ткнула в то место, где надо подпись поставить, и все...

– Потом узнаешь. По крайней мере, тебя это мало коснется. А вот насчет этой юридической тетки ты прав, пожалуй, – надо было ее с собой везти. Какая-то она не от мира сего. Я думала, ее уговаривать-пугать придется, а она сразу в лоб: где и что мне подписать надо? Нет, что-то тут не так, Никитка... Или она в самом деле полоумная, или тут какой-то хитрый расчет. Хотя на расчет тоже не похоже – глаза у нее такие... Такие... Даже слова не могу найти подходящего, черт! Какие-то очень умные, очень пронизательные и очень наивные, и все это одновременно. Но ведь так не бывает, чтоб все это одновременно...

– А может, просто под дурочку косит? А? Мы вот уехали, а она соберется быстренько – и шасть к нотариусу нашему! А что? Она запросто его найдет! Тетка она, по всему видно, грамотная. Я бы на ее месте так и сделал. Она кем работает, ты не знаешь?

– Учительницей вроде.

– Это после нашего университетского филфака? Ничего себе...

– А кем она должна еще быть в этой тьмутаракани?

– Вот-вот, я и говорю... Такой ей шанс выпал из этой самой тьмы да таракани выбраться, а она взяла и с ходу отказалась! Нет, ты права, сестренка, тут что-то не так. Зря мы поторопились с отъездом. И вообще... Надо было все по-другому сделать...

– Как?

– Ну, я не знаю... Можно было просто для начала взять и пригласить ее к себе. От маминго имени, например. Якобы для восстановления порушенных родственных связей. И не говорить пока ничего про отца, про наследство... А вот когда привезли бы, тогда и говорить про все это надо было. По крайней мере, хуже бы точно не было.

– Нет, Никитка. Не надо ей ничего про маму знать. Так лучше будет.

– Почему?

– Потому! Потом скажу.

– Оль, ты чего-то насчет мамы пакостное задумала, да? Колись давай! А то поставишь потом перед фактом...

– Поставлю, Никитка. Именно перед фактом. Только этот факт тебе во благо будет. Не переживай.

– Точно пакость задумала... И что ты за человек такой, Ольга? Вроде в любви да в благополучии относительно росла, но иногда таким от тебя злым сквозняком несет, что страшно становится.

– А ты не бойся, Никитка. Тебя я не обижу. Мой сквозняк мимо тебя дует. Да и вообще, никакой он и не злой на самом деле. Он обыкновенный. Он мне дорогу расчищает от всяких глупых сомнений да обманчиво-кисельной добродетели. Он очень честный, мой сквозняк. Потому что не я придумала закон о выживании в мире сильнейшего. Ученый его один придумал, Дарвин по фамилии... Не слышал про такого, случаем? Вам на вашем биофаке про такого не рассказывали, нет?

Никита ничего сестре не ответил, поморщился только едва заметно да повел головой взад-вперед, пытаясь таким образом снять напряжение с подуставшего уже загривка. Шутка ли – вторые сутки за рулем. Правда, Ольга дает ему подремать на заднем сиденье часок-другой, сама за руль садится. Но водитель из нее еще тот. Как говаривал один юморист – обезьяна с гранатой. Нервная она очень. Все в хвосте оказаться боится, терпеть не может, когда ее обгонять начинают. Тут же срывается с тормозов. Дорога чистая ей нужна, видишь ли. И так во всем. Нет, молодец, конечно... Наверное, это и правильно, наверное, так и надо. В борьбе за свое место под солнцем все средства хороши: и холодная злость, и острый язык, и коварство – все сгодится. Все на пользу пойдет. А только иногда так по-глупому обыкновенного тепла хочется... Не заботы о его, Никитином, жизненном благополучии, а никчемного и бесполезного сытого тепла. Такого, как от маминых пирогов с капустой. Или как от старого, покрытого вытершимся пледом кресла-качалки в отцовском кабинете, впитавшего, как ему казалось

в детстве, всю мудрость расположившихся на стеллажах старых, раритетных почти изданий классиков. Отец так искренне радовался, он помнит, когда видел его в том кресле с томиком Пушкина или Гоголя в обнимку...

Вот Ольга – та вообще книжек читать не любила, как отец ни исхитрялся любовь ей эту привить: и строгостью, и всякими там разными педагогическими заманухами-изысками. Заявила ему, будучи еще тринадцатилетней соплюшкой, что глотать книжную пыль да отказывать себе в исключительных удовольствиях материально-технического прогресса вовсе не собирается. И пусть, мол, ей отец даже и препятствий никаких не чинит на этом пути и младшему братишке тоже – все равно она его в «эту дохлую книжную пылюку» не пустит... Так и поперла потом по этому пути, и самый престижный в их городе политехнический институт почти с отличием закончила – чуть-чуть до красного диплома не дотянула, – и в тележку торжественно шествующего по стране нагло-юного капитализма умело впрыгнула, и замуж за начинающего расчетливо-занудного банкира выскочила. Правда, банкир этот так и застрял в разряде начинающих да подающих надежды, чего-то не связалось у него там, на светлом капиталистическом пути, по добыванию барышей со сказочными нулями. То ли расчетливость с занудностью не связалась, то ли наоборот... Потому, наверное, и из него, из братца родненького, принялась сестрица лепить с упорством да остервенением что-то крепко-мужское и для добывания этих барышей удобоваримое, и на бедный его умненький биофак ополчилась, как пантера, еще и по несчастному Дарвину ерничеством своим прошлась-процарапалась...

Нет, зря-таки он с детства на поводу у нее идет. Лучше бы в том отцовском кресле подольше засиделся. Теперь уж ничего назад не воротить... Он вообще отца очень любил. И кабинет его любил, и книги, и долгие тихие беседы о высшем-тонком-философском, и упорную его романтическую несовременность, и даже имя любил. Такое же, как у Чехова, – Антон Палыч. Наверное, и внешне отец похож был бы на старого Чехова, доживи тот в свое время до его преклонных лет...

Глава 3

Хозяйка-ночь на цыпочках вошла к ней в настезь распахнутое окно, бросив на произвол судьбы легких своих музыкантов, которые, впрочем, и без нее прекрасно справились, выдавая волшебные звучания июльской ночной колыбельной: и цикады так же старательно наигрывали на тоненьких своих скрипочках прежнюю, навсегда установленную природой мелодию, и листья старой груши пришептывали к ней что-то ласковое, и ветер шелестел травой и цветами, пытаясь вслед за ночью ворваться к ней в окно. По-хорошему, надо бы спать лечь, конечно, да только бесполезное это занятие. Все равно не уснуть. Прележишь с закрытыми глазами до утра, дожидаясь желанного провала в небытие, – и ничего, устанешь только. Лучше уж пойти пройтись рука об руку с этой ночью, тем более она и не против такой прогулки...

Тина на цыпочках вышла в прихожую, тихо открыла входную дверь, похвалив себя за недавний хозяйский жест – собралась-таки наконец смазать маслом старые ржавые петли, отчего они ей в благодарность не скрипнули теперь противно да не порушили сна Анюты с Сонечкой. Хотя чего уж себя так сильно хвалить – подумаешь, петли смазала. Героиня. Вот если б она удосужилась к пенсии дом отремонтировать – это да. Это был бы подвиг настоящий. Старый уже дом-то. Родительский еще. Хотя вот Митенька считает, что он еще сто лет простоит. А Митеньке можно верить, он парень в этих делах соображучий да рассудительный. Весь в Тининога отца, то есть в деда своего, пошел...

Про отца Тининога, Петра, в Белоречье говорили: не мужик, а клад. Хозяйственный был, хоть и неказист с виду. Зато сметливый да к детям своим добрый – все никак вторую жену в дом не мог привести, потому как ни одна не подходила по статьям добропорядочной честной мачехи. Да и из желающих принимать на себя такую ответственность по отношению к трем чужим детям мал мала меньше тоже, если честно сказать, очередь за воротами не стояла. Вот и справлялся отец один, как мог. Тина ему помогала, конечно. Когда мама в третьих родах умерла, ей уж десять лет было. Готовая почти нянька для родившейся только Машеньки да пятилетнего уже Алешки. Хотя ни ростом, ни статью особой не вышла – худа была, как ивовый пруточек. Соседка тетя Таня только слезами обливалась, через забор взглядывая, как Тина упитанно-справную годовалую Машеньку на руках таскает, девчачьим неокрепшим еще станом назад сильно прогнувшись. По тогдашней-то моде звонкие-тонкие девчонки не в чести были... Зато лицом Тина прехорошенькой вышла – кожа нежная, носик пряменький, аккуратный, рот улыбочивый, глазищи на пол-лица сияют изумрудной зеленью да наивной к миру восторженностью. И нога под ней быстрая оказалась – так ловко туда-сюда по хозяйству бегала, что успевала и уроки делать, и книжки запоем читать. Правда, читала не все подряд, здесь у нее внутреннее чутье срабатывало – слышалась ей в каждом прочитанном тексте своя музыка. Так порой заиграет натужно-фальшиво, что тут же книжку закрыть хочется да плечами передрнуть. Бывало, что и никакая музыка не слышалась в прочитанном – скучно до смерти. А бывало, с первой строчки взвывается на тонкой пронзительной ноте да так зазвучит, будто и не на земле живешь, а влетаешь в открытую для тебя одной на небесах дверцу и плаваешь там, пока от книжки не оторвешься...

Так Тина и провела свою раннюю школьную юность в суете по хозяйству-воспитанию да в запойном этом чтении-музыке. Летала туда-сюда легко, как перышко на ветру, везде находя для себя удовольствия. Вбирала в себя эту музыку и летала, и все у нее в руках ладилось в течение каждого долгого да хлопотливого дня. А вечерами, уложив сестренку с братом спать, снова садилась за книжку, чтоб проплыть душой по знакомым уже классическим строчкам сложного и в то же время до прозрачности понятного Толстого, нежно-грустного Куприна, своеобразного и упорно затягивающего в себя Лескова, особенно любимого ею Чехова... Ей и самой странно было немного, отчего это Антона Палыча она полюбила больше всех. Может,

музыка его текстов была какой особенной? Умной и грустной? А может, и у нее внутри есть своя музыка, которая вот так взяла и приняла музыку чеховского языка, как родную? Тине казалось даже порой, что Антон ее любимый Палыч вовсе не обосновался навсегда-навек в строгом ряду изучаемых школьных классиков, а живет где-то рядом, и можно даже написать ему письмо или увидеть по телевизору, например... Да и все рассказы-повести его, ей казалось, живут современной жизнью. Ничего ведь не изменилось! И пошлости, так тонко писателем осмеянной, кругом полно, и злоба обывательская никуда не делась. Нет ничего в чеховских текстах такого уж сильно устаревшего, из другого времени взятого. А главное – Тина особенно остро это чувствовала, – нет там натужного и лихорадочного «придумывания», чем грешны писатели современные. Она чувствовала, не придумывает ничего любимый писатель «от себя», не изображает того, чего нет на свете. Не врет, в общем. И потому герои чеховские представлялись ей настоящими, живыми, реальными людьми, образованными и хорошо воспитанными, старательно ищущими свою правду времени. Ей даже казалось, что они непременно должны жить где-то. Может, в больших городах. Может, в поселках. И ничего, что в Белоречье таковых нет. Все равно они живут! А по-другому и быть не должно...

В общем, Чехову Тина верила безоговорочно. И несла в себе эту веру бережно, как носят некую тайну, о которой и рассказать-то никому нельзя. Потому что обзовут глупой фантазеркой, не поймут... Или того хуже – обсмеют напрочь. Да и зачем рассказывать? Можно ведь просто в сочинении об этом написать. Учительница-то школьная, Александра Федоровна, ее всегда поймет-услышит...

Александра Федоровна, слава богу, действительно ее понимала. И слышала. И потому постаралась, конечно же, принять посильное участие в судьбе своей необычной ученицы. Что ж, иногда мы действительно не понимаем, что собственными руками творим чью-то судьбу, исходя из самых лучших своих побуждений...

«У вашей девочки, Петр Афанасьевич, особое чувство языка, талантливое очень, – внушала на школьном родительском собрании покрасневшему от удовольствия Тинину отцу старенькая Александра Федоровна, заслуженная во всех ипостасях учительница литературы. – Его всячески развивать надо, понимаете? Она вот мне реферат по творчеству Чехова написала недавно такой, что зачиталась, ей-богу! Оторваться не могла! Это редкий дар, знаете ли, так писателя слышать. И чувство языка у нее врожденное – не может ни одной орфографической ошибки сделать просто по определению, даже если сильно постарается. Ей, знаете ли, надо обязательно на филфак поступать! И обязательно в какой-нибудь очень хороший университет. Я подумаю в какой... Конечно, она у вас первая в хозяйстве помощница, но все равно вы, как отец, должны ребенка понять и поддержать всеми силами и родительскими возможностями...»

Отец понимал, конечно. Приходил со школьных собраний домой, садился напротив, долго смотрел в дочкины яркие зеленые глаза. Грустно так смотрел, задумчиво. Потом протягивал заскорузлую руку с коричневыми от дешевого табака пальцами к синенькому чеховскому томику в ее руках, с испуганным благоговением шурился в незнакомые книжные строчки и проговаривал робко и потерянно:

– Слышь, Тиночка, ты это... Учительница говорит, у тебя вот чувство какое-то там особенное имеется, я и не понял толком. Говорит, тебе в этот... Как его... В университет какой-нибудь надо обязательно попасть. В общем, ты давай начинай как-то себя снаряжать помаленьку. Наряды какие-никакие пошей, что ль... А потом и пальтишко тебе справим новое, и сапожки... Чтоб все, как полагается...

– Да как же, пап! – сверкала на него изумленной зеленью глаз Тина. – Какой университет, ты что? Вон у нас тут педучилище есть, туда и поступать буду! Еще чего выдумал...

– Нет, дочка. Ты давай и не рассуждай даже. Поедешь, и все тут. Куда учительница скажет, туда и поедешь.

– Да куда я не поеду! Как ты тут без меня будешь? Ну ладно Алешка, а Мисюсь как?

– А что Мисюсь? Пойдет в школу, как и все дети...

Отец и сам уже не помнил того момента, когда вслед за Тиной стал называть младшую свою дочку этим забавным именем – Мисюсь. Тиночка, правда, ему растолковала потом, что у писателя Чехова рассказ такой есть – «Дом с мезонином» называется, – и в том рассказе барышню одну так все любовно называли. Правда, в жизни она звалась по-другому совсем, но и к маленькой Машеньке это странное имечко тоже довольно быстро прилепилось и легло на язык основательно. Звучит-то как хорошо – Мисюсь... Будто жалостью да любовью по сердцу царапает. Оно и действительно царапало. Жалко было девчонку. А как иначе – без материнской ласки росла. Может, потому и тряслись они над ней, как над хилым цветочным растением, – и обласкана была, и кусок самый лучший ела, и баловства всякого на нее сваливалось побольше, чем на детей в других семьях. Вот и получилась девчонка своевольной, изнеженной да капризной. Одно слово – Мисюсь...

– Пап, да я боюсь, ты с ней не справишься один. Маленькая она еще. А это лето пройдет – и ей уже в школу идти! Как же? Это ж не просто все – первый школьный год для ребенка. Закапризничает – что делать будешь? Ты и слова-то громкого сказать не умеешь... Нет-нет, никуда я не поеду, пап!

– Нет, ты даже не думай об этом, Тиночка. Если понадобится, и слово скажу. И в школу пойдет так, как все дети ходят. Да и Алешка уже подросток, помогать будет. В общем, решено – поедешь учиться, и весь сказ. Раз надо – значит, надо. И не спорь, дочка. Я так решил – и все тут!

Она тогда проплакала, сидя на крыльце, почти всю ночь. А потом вот так же гулять пошла – спустилась по деревянной, отполированной за много лет дождями да ветрами хлипкой лестнице к реке, потом по тропинке к берегу, потом побрела вдоль кромки тихой воды по белому песку – и так до речного крутого изгиба, образующего собой аккуратненький, с морской картинкой будто срисованный пляжик с самыми настоящими, врытыми в песок южнокультурными топчанами. Что ж, ничего и не изменилось с тех пор. Так же бежит по воде желтой дрожью лунная дорожка, так же отсвечивает белой плотной прохладой песок-ракушечник, так же гукает вдалеке ночная сова, неся свою бессонную лесную службу... Красивое место. И село у них красивое – большое, чистое, будто звонко-цветное все, удачно расположившееся на взгорке перед рекой, с золотисто-голубой маковкой белой церкви посередине да утонувшее в вековых раскидистых липах. Сейчас, правда, обветшало порядочно, и много домов брошенных стоят, зияют пустыми грустными глазницами... А что делать – времена для всех наступили не лучшие. Испугались люди этих времен, многие в город рванули, сытой-богатой жизни искать. Как будто искать ее там, кроме них, больше и некому. Жалко, конечно. Жалко, если пропадет эта красота ни за что ни про что. И места вокруг красивые – лесные да пряно-луговые, грибные да ягодные. Вроде живи не хочю. И ей вот не надо было тогда уезжать отсюда, наверное. Может, и по-другому как бы судьба сложилась. А что? Вот какая, в сущности, скажите, разница, откуда Чехова Антона Павловича любить – из большого какого города или из села по имени Белоречье? Никакой такой разницы нет. Осталась бы, вышла б замуж за Леню...

При воспоминании о Лене губы сами собой растянулись в добрую улыбку: хорошего мужика она все-таки дочери в отцы «приспособила» – так уж получилось тогда, четверть века назад. Могла бы и в мужья так же запросто «приспособить», да сама с собою не справилась, не сумела из себя выжить-вытравить любовь к своему бывшему мужу. К юридическому, как сегодня дочка его, эта самая Ольга, выразилась. Ее, выходит, родная племянница. Так и прожила с нею, со своей невытравленной любовью, как с белой невидимой тенью рука об руку все эти долгие годы... И Леню намучила порядочно...

Леня Андреев был ее одноклассником. И лучшим другом. И любил ее очень. Самой настоящей и пылкой юношеской любовью, которая на жизненную поверку всегда оказывается сильнее всех Любостей последующих и о которой вспоминается потом со щемящей тос-

кой в сердце. Все школьное детство-юность Леня всегда был рядом – возникал будто из-под земли Сивкой-Буркой, не надо было и сказочных заклинаний произносить. А еще рядом была подружка сердечная Полинка, по обязательному закону школьного треугольника безнадежно в Леню влюбленная и тихо-безотрадно от этой любви страдающая. Девочка она была скромная и худенькая, безлика почти, никакими особенными достоинствами не примечательная. Серенькая такая мышка, тишайшая молчунья-троечница. Так они втроем и дружили, если дружбой можно было назвать постоянное средоточие всей их троицы в Тинином доме, в суете-помощи по хозяйству да няньканью с маленькой Мисюсь. Леня, Тина помнит, и дров наколет, и воды принесет, пока они с Полинкой с пеленками да детскими кашами-обедами управляют. А потом и на уроки ей время выделит, потому что школу Тине, пока Мисюсь была совсем еще крохой, посещать приходилось лишь от случая к случаю, а предметы сдавать чуть ли не экстерном. Благо учителя ей это, войдя в положение, милостиво разрешали, скрепя сердце и наплевав на страхи перед всякими от государственного образования строгими проверками. А что – в те времена вольности-безобразия такие вообще были под строгим запретом, и как Тина с отцом смогли обойтись без вездесущего носа чиновников от опеки и всякого-разного рода попечительства, так и осталось для них загадкой... Потом, правда, полегче стало, когда Мисюсь в годовалом уже возрасте удалось в ясли пристроить. Тина и в школу стала ходить каждый день, и времени на уроки побольше образовалось. Но привычка к дружбе-помощи у всех троих так и осталась. По-прежнему Леня с Полинкой пропадали у Тины в доме. Правда, время появилось у Тины также и для того, чтоб заметить, какими грустными, подернутыми поволокой глазами ее тишайшая подружка-троечница смотрит иногда на Леню... Но разговоров никаких «про чувства» среди них не заводилось. Дружили, и все. Это уж потом, в девятом только классе, Леня ей в любви по-настоящему признался. Смешно так! Стоял перед ней и обрывал лепестки с принесенного ей же букета розовых мохнатых астр. Потом, она помнит, посмотрели они себе под ноги и расхохотались дружно – все вокруг них было устелено розовым этим покрывалом...

Полинке она тогда про Ленины открывшиеся чувства ничего не сказала. Да и зачем? Чего ей зря сердце беречь, и без того оно безответной этой многолетней любовью напрочь израненное. Да и в глазах такая мука да серость безысходная плещется, что и глядеть в них больно. Такой вот у них тогда грустный треугольник получился. Тина и рада была подружке чем помочь, да как тут поможешь? Чужими чувствами ведь не распорядишься, не заставишь Леню по доброте душевной подружку полюбить, чтоб зажглись ее грустные глаза радостью... Правда, один раз и впрямь глаза у Полинки зажглись, сверкнули ярким счастливым блеском некоей надежды. Нет, Тину Полинка очень любила, конечно же. Но глаза все равно зажглись, когда объявила ей Тина о скором своем отъезде в тот самый город, старательно выбранный для ее университетского образования заботливой Александрой Федоровной. И не зря, видно, зажглись. Потому что Тина после учебы да в течение ее случившегося замужества домой так и не вернулась, и со временем достался Полинке вожделенный Леня в самые настоящие законные мужья. Юридические. И фактические тоже. После окончания медицинского института в областном их городе Леня вернулся в родное Белоречье – сначала чтоб интернатуру закончить, как и полагается, а потом и насовсем остался. Вообще, конечно, оставаться он поначалу не собирался, все хотел туда поехать, куда Тину пошлют после университетского распределения. Об этом ей и в письмах писал. Несмотря на то даже, что ответы на письма уж год как перестал получать... А потом Полинка принесла ему грустную весть: не жди, мол. Вышла Тина замуж, в Белоречье никогда не вернется. А в доказательство даже письмо представила, в котором таким милым, таким дорогим его сердцу Тининым почерком было написано, чтоб она, Полинка, эту весть как-нибудь мягко да не обидно Лене преподнесла. Пожалела, значит... Ну что ж, и Леня дал ответ этой Тининой жалости вполне достойный – взял да и женился на Полинке с ходу. Все честь по чести – и со сватовством, и с шумной свадьбой. А чего в самом деле – не пропадать же Полинкиной любви зря... Вскоре и сына молодая жена ему родила. Может, и прожили бы

всю жизнь, как все люди живут, под одной общей крышей, если б Тина снова в Белоречье не объявилась. Как холодный снег на бедную Полинкину голову. Как угроза всем ее юридическим да фактическим статусам.

Как испугалась тогда бедная Полинка этого неожиданного явления, только она одна и знает. А как тут не испугаешься – Леню-то сразу будто подменили... Вроде тут был, и нету. И сразу, казалось Полинке, побег он замыслил из этих своих юридических да фактических статусов. Да чего там замыслил – уж точно бы его совершил! Вот только, слава богу, они ему этого не позволили. Ни Тина, ни Полинка. Не приняла его к себе Тина, потому и побег Ленин из семьи не состоялся. Не приняла вопреки тому даже обстоятельству, что родилась через два года у Тины от Лени дочка и что на признании законного своего отцовства он настоял силой – это уж надо было его упрямый характер знать. И отцом для Анютки стал замечательным – любящим, заботливым, понимающим. И общался-воспитывал, как хорошим отцам и полагаются, не от случая к случаю, а ежедневно да кропотливо-ненавязчиво, вызывая на первых порах страшное недовольство таким обидным положением дел законной своей жены. Но постепенно и Полинке пришлось с этим честно-порядочным его отцовством смириться, и все они как-то за прошедшие годы попривыкли к нему... Но Тина всегда знала, всегда чувствовала – любит ее Леня по-прежнему. Как раньше. С той же самой юношеской пылкостью. Потому что как в глубь себя эту любовь ни запрятывай, она все равно изнутри светится и управляет невольно всей твоей жизнью, сотворяя из нее внутреннее тихое счастье, несмотря на внешние всякие горькие обстоятельства. И если уж по этому безответному принципу судить, то всяк, получается, из их прежней и дружной троицы счастлив был по-своему: Тина – своей несостоявшейся университетской любовью, Леня – своей несостоявшейся белореченской, а бедная Полинка – тем обстоятельством, что не отняли у нее мужа навсегда-навсегда...

Постояв немного у самой кромки воды, она медленно повернула назад, пошла тем же путем обратно к дому, оставляя на белом прохладном песке маленькие и аккуратные, будто детские, следы. Поднимаясь уже по лесенке к дому, увидела голубой свет ночника в окне Анютиной светелки. Не спит дочь. Читает, наверное. Вот же заразила она ее с детства этой потребностью! Нет чтоб другому чему научить, более к реалиям жизни приспособленному... Сейчас такие вот читающие девушки и невестребованы, получается. Она и сама уже сколько раз наблюдала за тем, какие недовольные взгляды бросает в Анютину сторону ее муж, прагматичный и деловой молодой адвокат, когда видит жену уткнувшейся в книжку...

Глава 4

Анюта и в самом деле не спала. Все не выходило из головы последний разговор с Олегом, оставивший после себя непонятное чувство – то ли обиды, то ли досады. И вроде ничего он такого обидного да досадного не сказал, пока ехали они на машине сюда, в Белоречье, из города...

– Слушай, Аньк, а мать твоя на пенсию пойдет или работать будет? Ты с ней на эту тему не говорила?

– Нет... А что?

– Да так... Ты спроси на всякий случай...

– Зачем? Не понимаю...

– Как зачем? Если она работать больше не собирается, пусть поможет дочери! У тебя же сейчас такой возраст – самое время за что-то уцепиться!

– За что уцепиться? – снова непонимающе моргнула длинными ресницами Анюта. – И при чем здесь мама?

– При том! При том, что с Сонечкой сидеть запросто может! А ты бы на работу пошла...

– Олег, да ты что?! Она же кроха еще совсем! Грудная...

– И что? Сейчас вообще грудью уже никто своих детей не кормит! Вчерашний день...

Мир вперед бежит со страшной скоростью, а ты, как боттичеллиевская красотка, глупо так на все это умиляешься... Отстанешь от жизни, Анька! Потом спохватишься, да поздно будет!

– Олег, ты что... Нет, я не понимаю... От какой такой жизни я отстану?

– От обыкновенной, какой! Надо же кем-то становиться, надо же как-то начинать самоутверждаться! Надо же деньги зарабатывать, в конце концов!

– Деньги? Нам что, не хватает денег? У нас же все есть, Олег...

– Да я не в этом смысле, Ань! Конечно, нам хватает. Я в том смысле, что вперед надо двигаться, понимаешь? Не в деньгах, как таковых, дело, а в стремлении их получить! Это как спорт такой – кто чуть опоздал, тот уже в аутсайдерах... А ты в этих самых аутсайдерах запросто можешь оказаться! Ты давай поговори с мамой. Может, она и впрямь Сонечку к себе возьмет? А я бы тебе хорошее место подыскал... У тебя же специальность классная – дизайнер! Да на этом поле сейчас такие дублоны в землю зарыты...

– Нет, Олег. Не буду я с ней говорить. Она-то что, она, конечно, согласится и слова против не скажет. Просто мне ребенок мой дороже, чем самая большая куча открытых из земли дублонов... Сонечке любовь сейчас материнская да отцовская нужна, а не дублоны твои. Нет, нет и нет...

– Ну и дура...

– Что?!

– Ой, да прости, Анька. Я же как лучше хотел. Вот убей меня, а не понимаю я этих ваших «любовь-нелюбовь»... Нормальный здоровый ребенок – чего его около груди-то держать? Меня вон родители с пяти месяцев в ясли отдали – и ничего! Вырос, слава богу, не дураком. И мать моя теперь мной гордится...

Анюткина свекровь, это было правдой, сыном своим ужасно гордилась. И все время поощряла его на еще большие подвиги во имя этой материнской «гордости», приводя в пример чужие головокружительные карьеры. Так сильно поощряла, что Анютке порой очень хотелось остановить ее, объяснить, чтоб пожалела она сына, наконец. Объяснить про тонкую эту и ранимо-дрожашую связочку под названием «мать-дитя», которую потяни этой потребностью в «гордости» сильнее, и она тут же и оборвется, и заставит сразу страдать обоих. Потому что нельзя, чтоб тобою только гордились. Надо еще и любить уметь. А не заставляя своего

ребенка «гордостью» за него выслуживать изо всех сил эту любовь. Так он и сломаться может в одночасье...

Ничего такого Анята ни разу, конечно же, ей не сказала. Сама она любила мужа за так, ни на какие карьерные подвиги его не поощряя и тем самым навлекая на себя крайнее свекровино недовольство. Но особо по этому поводу не грустила, потому что где ж вы такое видели вообще, чтоб свекровь своей невесткой довольна была...

– ... Так что ты подумай хорошо, Анька, я дело говорю! Не собираешься же ты с Сонечкой до трех лет сидеть? Чего с ней сидеть-то? Тем более такой момент – мать на пенсию вышла. Мне-то что в принципе... Я просто о тебе забочусь. Ты ведь не чужая мне, жена все-таки. Мама моя тоже на пенсии, конечно, но сама понимаешь – нянька из нее никакая. Не умеет она этого. Она и со мной никогда не сюсюкала в детстве. Я ее и не видел почти – все на работе пропадала...

Она не нашлась даже, что ему и ответить. Со стороны получалось, что прав Олег. Вроде трогательную заботу о ней проявляет. А только не склеивалось у нее внутри что-то, не принимала душа такой заботы, отторгала ее начисто. Прав он был и в вопросе насчет «вовремя зацепиться» – скоро учебные заведения, расчухав возросшую потребность нового времени в услугах всевозможных дизайнеров-декораторов, и впрямь наштампуют их целую армию. Всяких. И способных, и не очень. Вообще, профессию свою, в пятилетних институтских трудах с удовольствием освоившую, Анята без ума любила, и студенткой была одержимой, старательной и не совсем уж и бесталанной – прочили ей и преподаватели, и сокурсники большое и светлое будущее на этом художественно-трудовом поприще. Даже и сейчас – больше во сне, конечно, – придумывались-рисовались, рождались в смутных ее мыслях неопределенные детали какие-то, цвета, интересные сочетания... Или вдруг само собой навеет что то ли из прочитанной книжки, то ли из воздуха, то ли ветром принесет... Очень, очень хотелось навеянному этому душу до остаточка навстречу распахнуть, уйти в праздничное состояние всей своей человеческо-творческой сутью... Да только не могла она. Чувствовала – нельзя пока. Потому что суть ее сейчас принадлежала Сонечке и нельзя было от нее оторвать на другое ни кусочка. Раз уж назвалась матерью – отдайся этому сполна, пока дитя любви твоей целиком требует. Не размывайся, не лишай его того, что природой ему, и только ему пока положено, несмотря ни на какие навеянные искушения... Да и вообще, не получалось у нее как-то связать в одно целое творческие свои ветры и приносимые от их будущей потенциальной реализации «дублины». Глупо, конечно, но не получалось. И объяснить этого Олегу она не могла. Оскорбляли каким-то образом Олеговы думы о дублинах ее творческие ветры. И вся его каждодневная суета на трудной дороге к вождленному обогащению их оскорбляла, и ничего она с этим не могла поделать... Хотя, может, насчет потенциального ее женского аутсайдерства Олег и прав был. Прав, потому что время вынесло впереди себя флагом именно такую вот женщину – ни в чем не сомневающуюся сильную добытчицу, монстра в стильных нарядах, почитающую себя громким званием «леди» потому только, что сумела холодно вытравить из себя и Наташу Ростову, и тургеневскую Асю, и чеховских героинь, так сложно-изысканно внутренне устроенных... Прав, конечно. Только правда его трусливой какой-то получается. Потому что совсем не обязательно для женщины быть флагом. Многие флагом этим быть вовсе не хотят. Как говорится, красиво жить не запретишь, но и не заставишь. Хорошее выражение. Целостное. И семья у них тоже хорошая. Тоже целостная. А только само собой получилось как-то, что растащили они это выражение по двум частям. Первая его часть осталась у Олега, а вторая, выходит, у нее. Обидно, черт...

Хотя, если уж честно признаться, был и другой еще человеческий фактор, заставивший Аняту после разговора этого серьезно о самой себе задуматься. «Фактору» этому исполнилось уже три с небольшим месяца, и он изредка давал о себе знать то подступившей неожиданно к горлу тошнотой, то головокружением, а то и острым желанием впитаться зубами в соленый

огурчик, прыщавый и хрусткий, такой именно, какой водится только в погребе этого большого дома, где прошло ее счастливое детство, и нигде более... Из разговора же с мужем выходило, что «фактору» этому он вроде как совсем и не обрадуется, поскольку застрянет Аня теперь уж надолго в категории несчастнейших аутсайдеров, ничего решительно в жизни не добьется да только время свое зазря потеряет. Потому и пребывала она в полной растерянности, которая заключалась вовсе не в сомнениях по поводу рожать или не рожать. Этот вопрос она для себя решила, конечно же, в пользу ребенка. Растерянность ее была другого совсем рода – не принимала она странного и непонятного, вдруг таким резким мужским прагматизмом открывшегося отношения ко всему этому горячо любимого мужа Олега. Одно дело – на словах обо всем этом, ничем не обязываясь, пикироваться, а другое дело – перед фактом ставить. Вернее – перед «фактором»...

Познакомились они давно, на стихийно-студенческой вечеринке, которые образуются как-то вдруг, ниоткуда, ни с того ни с сего, рождаются из запаха жарящейся на кухне задрипанного общепита картошки или из бутылки принесенного кем-то вина, одной на десятерых, и постепенно перерастают в необузданное веселье с танцами в коридоре, с мгновенными вспышками молодых желаний за наспех закрытыми дверьми комнат и всякими другими глупостями, совершать которые так приятно бывает в молодости. И они с Олегом оказались из тех, которым веселье это человеческое не чуждо, и их не обошла стороной эта вспышка-любовь, которая не знает никаких правильных да ханжеских условностей и своевольно берет свое, природное, молодое-хмельное-горячее...

С той памятной вечеринки они уже и не расставались. Потихоньку потребность молодых организмов друг в друге перешла в совместное модно-гражданское сожителство на съемной квартире, а потом, когда дипломы были получены и чувства, как им казалось, были уже проверены вдоль и поперек трехлетним бок о бок проживанием, уже и свадьбу настоящую сыграли. Мама Олега, Тина да Леня поднатужились-поднапряглись, купили им квартиру в городе – маленькую, правда, и на окраине, но все ж таки свой собственный угол... Аня помнит, как Олег, обходя свои новые неказистые владения, все повторял и повторял с довольной улыбкой:

– Как классно, Анька! У нас хата своя... Убогая, правда, ну да это ничего! Мы с тобой еще развернемся, мы отсюда быстро выскочим, вот увидишь! У нас с тобой классная квартира будет, элитная, в самом престижном районе... А в Белоречье, у мамы твоей, дачу себе обустроим. Далековато от города, правда, ну ничего. Зато места красивые. Ваш дом снесем, коттедж там зафигачим...

А потом родилась у них Сонечка. Олег был рад, страшно рад! Много работал, домой приходил усталый, рассказывал ей долгими вечерами про свою не очень денежную пока адвокатскую клиентуру да все вздыхал – вот бы свою фирму открыть...

– Представляешь, Анька? Откроем контору под названием «Юридические и дизайнерские услуги»! А что? Звучит необычно... Какую-нибудь еще фишку придумаем, чтоб клиента богатого заманить... Вон однокашники мои – все круто вперед рванули! Вернее, те, у которых стартовый капитал есть. А я сижу и на дядю работаю! Дела выигрываю, а процент хреноватый. Такое зло иногда берет – аж мозги от досады чешутся...

– Не знаю, Олежка... – пожимала она удивленно плечами. – Мне кажется, нам хватает...

– Ну да, хватает! Конечно же, хватает! На плебейские потребности – оно конечно! А только я не хочу вот так вот всю жизнь прожить. Мне много надо, Анька! Чтоб машина была дорогая, а не задрипанная «девятка», чтоб квартира в двух уровнях, чтоб дача огромная... И я знаю, знаю, что у нас все это непременно будет! Иначе в жизни никакого смысла нет.

– Так уж и нет?

– Конечно, нет! А ты что, по-другому думаешь?

– Да ни о чем таком я пока не думаю! – легкомысленно отвечала ему Аня. – Ни о чем, кроме кормления, купания да на свежем воздухе гуляния!

– Молодец, Анька. Хорошей матерью оказалась. Это радует, конечно. Но материнство, оно ж дивидендов не приносит. Всякая женщина – она уже по природе мать. Это ж само собой разумеется. А вот ты еще и самоопределишься при этом попробуй да карьеру себе сотворишь! Вот это будет да! Это, конечно, не всякая сможет. Конечно, оно всегда легче – за материнством своим спрятаться... Но это удел женщин слабых, я считаю. Ведь так, Анька?

– Да, конечно, так, Олежка! Кто ж против того, чтоб в жизни самоопределиться? Никто и не против! Всему свое время есть. И для материнства, и для самоопределения... А только сваливать все в одну кучу никак нельзя.

– Ты так серьезно считаешь?

– Ну да...

– Что ж, твое дело. Хочешь вязнуть в кормлениях да купаниях – вязни, конечно. Только способностей твоих жалко. Все ж говорят, что ты у меня талантливая...

В общем, жизнью своей Анята, по большому счету, была очень довольна, несмотря на прилетающие время от времени и старающиеся затянуть ее в свой омут творческие позывы. Особо старательно от себя она их и не отгоняла, конечно, складывала потихоньку в самый потаенный уголок подсознания, чтобы достать потом в нужный момент. Но момент этот, выходит, еще оттянуть придется на неизвестное время...

Только вот как теперь Олегу об этом сказать после вчерашнего дорожного разговора? Завтра он уже придет за ней, и надо сказать... Фу, как нехорошо! Чего это она будто заранее прощения просит? Да за что?! Она же решила, что оставит этого ребенка! И не решила даже, а так сразу почувствовала. Но ребенок-то этот общий, и надо, чтоб Олег о его существовании знал...

Можно было бы с мамой, конечно, на этот счет посоветоваться, и она уж наметила было совещание это на сегодняшний вечер, да не получилось ничего. Нельзя сейчас к маме за советами лезть. Не до того ей. Такие вести не каждый день к человеку приходят – взяли и обрушили ей на голову эти неизвестные родственнички новость о смерти человека, которого мать любила всю жизнь, и смылись, собой довольные...

Вздыхнув, Анята поднялась с постели, выглянула в ночное открытое окно. Взгляд задержался на одинокой, бредущей вдоль белого речного берега женской худенькой фигурке, и сердце тут же дрогнуло от дочерней любви и жалости – вот всегда ей почему-то хочется мать защитить, будто она ребенок малый да кем-то обиженный. Почему – и сама не понимала. Мать сроду ни в какой такой защите не нуждалась, была человеком своеобычным, со своим собственным взглядом на жизнь и на свое в ней законное место. Никогда она несчастной мать не видела, и откуда оно только взялось, это чувство...

Постояв немного над вкусно-сладко сопящей Сонечкой, Анята накинула на себя Митину рубашку и вышла во двор навстречу матери. Та уже входила через маленькую заднюю калитку, стараясь не скрипеть петлями, обернулась к дочери, вздрогнула:

– Ой, Анят! Ты что не спишь? Напугала как...

– А ты что одна ночами гуляешь?

– Да так, пройтись захотелось. Рекой подышать. Да и не спится...

– Тебя эти родственнички расстроили очень, да? Свалились как снег на голову...

– Да нормальные ребята, Анят! И на Мисюсь так похожи... Особенно дочка. Она такой же красивой была. Хотя почему была? И сейчас, наверное, тоже красивая. А Никита очень на Антона похож. По крайней мере, внешне. Только взгляд у него другой. Равнодушный какой-то. Будто ничего ему в этой жизни уже неинтересно. Странно, правда? Молодой вроде парень...

– Мам, а что ты решила? И впрямь, что ли, поедешь от наследства отказываться?

– Поеду, Анят. Раз просят, поеду.

Они замолчали, стоя рядом плечом к плечу и вглядываясь в привычный обеим с детства пейзаж – река тихо и торжественно несла мерцающую ночную воду среди белых своих берегов.

Медленно так несла, ни на что будто не отвлекаясь. Аняте подумалось вдруг, что пейзаж этот давно уже стал для них неким сложившимся человеческим образом, присутствовало в нем что-то завораживающе-живое, когда на него ни смотри, хоть днем, хоть ночью. Веяло от него скрытым достоинством природы, вечности, мудрости, простой правдой жизни. Будто призывала их река к такому же достоинству, к такой же вот простой правде...

– Мам, а может, ну их, этих родственничков? Не ездила бы ты никуда. Сами со своим наследством разберутся. Обязана ты им чем? По-моему, это они тебе все обязаны...

– Чем это? – тихо откликнулась Тина.

– Ну как чем? Сестре ты мужа уступила? Уступила. Я так понимаю, ты сама тогда добровольно в сторону отошла. Хоть и любила его очень. А брату своему сына воспитала. Это вообще подвиг, между прочим! Митька же тебя за родную мать считает, как ни крути. Дядя Алеша-то, братец твой драгоценный, как отдал тебе его по молодости, так и успокоился – пристроил-таки дитя в хорошие руки. И не помог даже ничем. Так и живет теперь, как ветер, перебирается от одной бабы к другой...

– Нет, Анютка, насчет Алеши ты не права. Он пытался Митю сам растить. Он же не виноват, что с мачехами ребенку не везло. Да я и сама рада была, что Митенька с нами остался!

– Да ладно, мам. Знаю я тебя – всегда всему оправдание найдешь. А на деле-то получается – обманывают же тебя! Пользуются твоей добротой... И в школе дети тебя обманывают... Ты что, не видишь этого? Не чувствуешь?

– Ну почему же не чувствую, дочь. И вижу, и чувствую.

– А почему никогда не сопротивляешься? Надо же бороться как-то за свое достоинство! Нельзя же все время в обманутых ходить!

– А чего за него бороться? Мое достоинство всегда при мне. Я-то ведь никого не обманываю. Никому не лгу, никем не манипулирую корысти своей ради... Мне так жить лучше, понимаешь? Пусть за свое достоинство тот беспокоится, кто все это радостно проделывает и себя при этом умным да ловким считает. Если человек счастлив от своих же пакостей, ему стоит только посочувствовать...

– Ну так ты хотя бы вырази это ему сочувствие! Вслух! Обломай ему кайф! Знаю, мол, что вы меня сейчас обманываете, и выражаю вам по этому поводу свои глубочайшие и искренние соболезнования...

– Нет, дочка. Зачем? У каждого свои в жизни радости! По мне – лучше быть мудрым да молчаливым обманутым, чем радостно хамящим обманщиком.

– А что, мудрым и необманутым нельзя быть?

– Нет. Для того чтоб быть необманутым, все время воевать надо. А на войне мудрость запросто растерять можно. Израсходуешь на эту войну все свои человеческие эмоции да силы, которые в тебе природой для души заложены, истончишь ее совсем, душу-то... А жить потом как? Нет уж, не хочу я воевать. Саму себя для себя же оставить хочу. В целостности и сохранности. Чтоб счастливой быть. А какой уж меня там другие считают – обманутой или нет, – их дело...

– А ты, значит, счастлива, мам?

– А как же! Очень даже счастлива!

– Ну, не знаю... Все равно мне за тебя обидно! Чего ж ты у меня вечная бессребреница какая. Вот и сейчас готова отказаться от своего. Тебя сестра предала, обманула, выходит, а ты...

– Да бог с тобой, дочь! Какая же я бессребреница? У меня ты есть, у меня Митенька есть, у меня вот этот берег есть, да я сама у себя есть, в конце концов! Главное в жизни, доченька, – само себя не потерять. В этом и есть счастье.

– Мам, а какая она, твоя сестра? Расскажи... Ты же мне никогда про нее ничего не рассказывала!

– Потом, Анют, потом. Не могу я пока. Ты иди спать, дочь. А я еще здесь посижу, на крылечке. Рассвет встречу...

Глава 5

Какая, какая... Лучше все-таки не думать про это, не вспоминать. Как старалась не вспоминать все эти годы. Все вычеркивала, вымарывала из памяти десять лет той цветущей, наполненно-яркой замужней своей жизни. Трудно это, конечно, было. Попробуй-ка вычеркни их! Хотя теперь чего уж. Теперь, пожалуй, и можно себе позволить вернуться туда, помянуть таким образом ушедшего в иной мир Антона...

«...Здравствуйте, уважаемые мои юноши и девушки. Поздравляю вас с поступлением в наш университет. Позвольте представиться – меня зовут Антон Павлович Званцев, я буду читать вам лекции по русской литературе...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.